
МАСОНЫ.
НАЧАЛО
АЛИСА САХАРОВА
18+

Алиса Сахарова
Масоны. Начало

https://litres.ru/74100574
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир уже давно держат в руках Двенадцать — бессмертные правители тайного Круга. Их власть нерушима, а решения определяют судьбы миллиардов и в это закрытое общество попадает обычная девушка.

Даяна годами блуждала в лабиринте пустых дней, не подозревая, что её жизнь может измениться в один клик. Теперь она — часть элитарного общества, тайно управляющего миром.

Но за могуществом скрывается боль: Даяне предстоит столкнуться с суровыми испытаниями, научиться балансировать между любовью и долгом, а главное — принять участие в решении судьбы цивилизации. Ведь Круг давно ищет способ справиться с надвигающейся катастрофой: ресурсов на планете скоро не хватит на всех.

Среди интриг, власти и чужих ожиданий ей нужно не потерять себя. Сможет ли Даяна выполнить возложенную на неё миссию — и не предать свою человечность?

Содержание

Глава 1. Шаг в неизвестность. 4
Глава 2. Знакомство с новой семьёй. 31
Глава 3. Введение в работу. 50
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Алиса Сахарова
Масоны. Начало

Глава 1. Шаг в неизвестность.

«Я не работаю уже четвёртый месяц — и это до жути расстраивает. С момента сокращения я будто потеряла веру в себя. Вакансии кажутся нелепой насмешкой: одни обещают платить копейки, другие требуют работать без выходных, а третьи — выставляют невозможный список навыков, будто я должна жонглировать на одноколёсном велосипеде и параллельно декламировать собственные стихи на французском. Шучу, конечно Но это не слишком далеко от правды.

Кажется, у меня начинается депрессия. Будущее представляется мне грязным размытым пятном, а в настоящем — только пустота. Всё чаще нарушу рвётся мысль: «А может, я и правда бесполезна?».

Большую часть времени я живу в своей голове, мечтаю о чём-то большем. Вот бы реализовать свой потенциал! Чем бы я хотела заниматься? Спасать мир — да, именно так. Звучит слишком громко и слишком наивно, но я правда верю, что способна на что-то значимое.

Но как спасти мир? Я убеждена: главная проблема — лю-

ди, и то, как они живут. Планета страдает из-за нашего сверхпотребления: ресурсы, энергия, еда — всё это уходит на поддержание неприемлемо большого количества жизней, на утоление завышенных запросов слишком многих. И чем нас больше, тем сильнее нагрузка на планету. Глупо, бесцельно, эгоистично... А что, если бы людей стало меньше? Меньше потребления — меньше вреда природе.

Ну что, спросите меня ещё раз: «Как спасти мир?». И я отвечу вам — без шуток и без прикрас: сократить население планеты как минимум вдвое. Вот и весь рецепт».

Именно так и именно в таком виде я отразила свои мысли в сопроводительном письме на одну из вакансий от правительства. Зачем? Понятия не имею. Наверное, отчаяние достигло той точки, когда перестаёшь себя контролировать. Сама в шоке.

Потом задумалась: а зачем мне вообще работа? Вещи, развлечения — я к ним равнодушна. Ах, ну, вот, еда... к сожалению, без неё не прожить. Жильё тоже необходимо — хотя, честно говоря, мне всё равно где спать, лишь бы были койка-место и горячая вода. Но за всё это, увы, тоже нужно платить.

Ненавижу эту жизнь, где заработанного хватает только на самое необходимое. И кажется, я слишком слаба и глупа, чтобы рассчитывать на что-то большее. Поэтому, когда через неделю мне пришло приглашение на собеседование, в ответ на мой отклик, я не просто удивилась — а по-настоящему

испугалась. Ведь это было именно тем, чего я ожидала меньше всего.

Вакансия, однако, была не менее странной, чем моё сопроводительное: искали человека с креативным мышлением, собранного и ответственного, который «хотел бы изменить мир», но никаких подробностей об уровне заработной платы и обязанностях на рабочем месте не указали. Я понятия не имела, кто будет моим начальником и чем предстоит заниматься, но всё же решилась пойти на собеседование, чтобы, как минимум, узнать больше.

Встречу назначили в люксовом Гранд-отеле, в одном из самых красивых зданий города. Я пришла в джинсах — мне всё равно, как выглядеть. Если их не отпугнуло моё письмо, вряд ли смутит мой внешний вид. Внутри боролись страх и любопытство: *«Кто же они такие и что хотят мне предложить?»*— думала я, понимаясь по ступеням к входной двери.

Стоило только сказать, что я на собеседование, как охранник на входе пропустил меня. Велел идти прямо, в первую залу, и ожидать.

Я прошла по широкому коридору, упёрлась в массивные двери. Толкнула вперёд. Мне открылся вид на огромный зал: хрустальная люстра, огромная, как в театре, наверное, весом с быка или тяжелее, висела над головой, красиво отражая свет от ламп по полу, стенам и потолку — словно переливы радуги. Свет был мягким, но его обилие давило на глаза.

Слишком громко звучали собственные шаги по мраморному полу. Всё это вызывало дискомфорт. А может я просто нервничала перед собеседованием.

Дошла до кожаного кресла цвета тёмного шоколада, села в него и стала ждать. Кожа подлокотников под пальцами оказалась прохладной и гладкой — напоминала, что всё это по-настоящему. Пахло цветами, кажется, розами. И царила странная, немного тревожная тишина, нарушаемая лишь редким эхом чьих-то шагов вдалеке.

Вскоре в зале появился мужчина — красивый, статный, с крупными чертами лица и большими глазами, синими, как море в шторм. Одет безупречно: идеальный белый костюм, будто только из ателье, и такой же галстук, аккуратно завязанный узлом. На запястье блестели часы — дорогие, с тёмным циферблатом и тонкими стрелками.

Я поёрзала на месте, занервничала — явно ожидала кого-то более обычного. Дёрнулась, чтобы встать, но он жестом показал оставаться на месте. Не разглядывал меня, а просто смотрел — как-то сквозь, пронизывающим взглядом, от которого по спине пробежали мурашки.

Присев рядом, он заговорил:

— Даяна, нам понравилось ваше письмо, — он ненадолго отвёл взгляд, разглядывая дверь, словно ожидая кого-то ещё, или наоборот, убеждаясь, что больше никого не будет. — В нём есть отчаяние, душа. Что-то настоящее.

— С-спасибо, — ответила я, слегка заикаясь от неожи-

данной похвалы.

Подумала бы, что он шутит, но тон был серьёзным, а лицо — невозмутимым. Меня зацепило, что он сказал «нам»: на секунду показалось, что он так говорит про себя, а не про какую-то группу людей.

— Нам понравилось, что вы сразу предложили решение, — он медленно перевёл глаза на меня, его взгляд был спокойным и глубоким. — И всё же нельзя сказать, что это полный рецепт. Как же вы предлагаете осуществить задумку? Мне правда интересно.

— Простите, я не понимаю... — начала было я, но под его пронзительным взглядом сдалась. — Вы о том, чтобы... кхм... — я перешла на шёпот, чувствуя, как пересохло в горле, — сократить население вдвое?

Он рассмеялся. Его смех был низким, уверенным. Звук разнёсся по залу, отражаясь от стен.

— Нас не подслушивают, уверяю вас, — улыбнулся он. — Можете говорить громче.

— Так сразу и не скажешь, что поможет, — ответила я, задумавшись. Пальцы непроизвольно сжали край рубашки. — Искусственно созданные вирусы, болезни, войны...

— И вам не жалко людей? — спросил он с искренним интересом. — Что, если от этого вируса погибнет кто-то из ваших близких? Что, если на войну отправится ваш брат?

— У меня нет братьев, — я опустила взгляд на мраморный пол, словно ища в нём ответы. Узор на камне казался

запутанным лабиринтом — как и мои мысли. — Конечно, мне было бы жаль. Я же не психопат. Но я бы приняла эту боль как плату за лучший мир.

В его глазах что-то блеснуло — мне показалось, это было одобрение. Улыбка его стала шире, обнажились ровные белые зубы. Он слегка наклонился ко мне, и я уловила тонкий аромат его парфюма — древесный, с лёгкой горчинкой, и на секунду мне показалось, что так должен пахнуть Дубай.

— А если бы вам пришлось умереть ради этого лучшего мира? — спросил он.

Я проглотила ком, подступивший к горлу, и тихо ответила:

— В этом случае я бы пожертвовала собой.

Он кивнул, будто соглашаясь с собственными мыслями, немного отодвинулся и положил ногу на ногу. Взгляд снова ушёл в сторону, к окну, за которым уже сгущались сумерки.

— Все так говорят, пока до дела не дошло, — усмехнулся он.

Мне не понравилось его недоверие, хоть оно и было логичным —всё же, он видел меня впервые. Но чувства пересилили голос разума. Вдруг очень захотелось чтобы он понял мой искренний порыв. Кровь прилила к щекам, и я почувствовала, как во мне закипает упрямая решимость.

— Я бы доказала это, — уверенно произнесла я, — если бы представилась возможность.

Он снова улыбнулся и сфокусировал взгляд на мне — те-

перь в нём появилось нечто новое... уважение? Я не знала наверняка, могла только догадываться.

— Готовы ли вы бросить всю свою жизнь на это? — Спросил он вдруг. — Оставить родных, привычки, всё, что любите?

Было в его взгляде нечто особенное — словно он проник в саму суть бытия, узнал какую-то древнюю мудрость. Казалось, он задаёт эти вопросы совершенно серьёзно, а вовсе не в шутку. А значит, и мне стоило ответить серьёзно.

Я задумалась. Меня уже давно ничего не радовало. Да, я любила близких, но была абсолютно несчастлива — жила пустой жизнью, прыгая с работы на работу, потому что ничего не ладилось. В памяти всплыли серые офисные стены, бесконечные резюме, равнодушные взгляды рекрутеров... Я была готова отказаться от всего, чтобы попробовать жить иначе и делать что-то значимое.

— Да, — я уверенно кивнула. — Готова.

— Тогда у вас будет такая возможность. Собирайте всё необходимое — вы уезжаете. Надолго. Решите все свои дела, разберитесь с проблемами, у вас на это один месяц. Аванс за работу переведут на вашу карту.

Он медленно поднялся. Я тоже. Он протянул руку — я ответила тем же, ожидая рукопожатия. Но вместо этого он мягко и осторожно коснулся сухими губами моих пальцев. Я вздрогнула от неожиданности, но мне было приятно — прикосновение вышло непошлым, а тёплым, почти бережным.

— До встречи, Даяна, — сказал он и широкими шагами покинул залу. Его шаги затихли где-то в глубине коридора, оставив после себя лишь тишину.

Я стояла на месте ещё несколько минут, всё ещё осмысливая, что только что произошло. В груди билась странная смесь страха и восторга — как перед прыжком в неизвестность.

Вечером на карту пришла огромная для меня сумма — миллион рублей. Отправитель неизвестен, но в платеже значилось: «Аванс». Я стояла у окна, глядя, как огни города зажигаются один за другим, и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Этой ночью я не уснула. Тревога накрыла с головой: я думала о том, кто эти люди и на что я согласилась. Может, стоит всё отменить, вернуть деньги? Но ведь я и правда хотела жить иначе, хотела быть полезной, а не просто рабом-потребителем, обузой для родных. И это был мой шанс — единственный, может быть, за всю жизнь.

Под утро, когда первые лучи солнца робко пробились сквозь шторы, я наконец уснула — в душе уже зрела уверенность: проснувшись, я начну готовиться к прощанию с прежней жизнью. В голове на повторе звучала только одна мысль: *«Наконец-то что-то изменится».*

В тридцать лет перемены даются немного сложнее, хотя... кого я обманываю — значительно сложнее. Но порой хроническая усталость бьёт так сильно, что становится тем са-

мым пинком, который заставляет двигаться вперёд. Так случилось и со мной. Я прокрутила в памяти все свои неудачи, взвесила всё ещё раз — и укрепилась в решимости: новая жизнь ждала меня, осталось лишь сделать шаг.

За месяц я привела дела в порядок: закрыла кредитку, собрала вещи, попрощалась с родными. Сказала близким, что меня взяли на работу в правительство и нужно уехать за границу на неопределённый срок. Конечно, они засомневались: в их головах тут же всплыли тревожные сценарии — то ли я решила заняться проституцией в другой стране, то ли меня обманули и заманивают в сексуальное рабство. Родители есть родители — беспокойство у них в крови. Но постепенно тревоги улеглись: они смогли довериться мне и немного успокоиться. Я пообещала звонить по возможности.

Ровно через месяц после встречи с таинственным незнакомцем — который, как я осознала лишь позже, даже не назвал мне своего имени — на телефон пришло сообщение с неизвестного номера. В нём говорилось, что чёрный Haval прибудет к моему дому ровно в девять вечера, и к этому времени нужно быть у подъезда.

Машина приехала точно к назначенному времени — минута к минуте. Водитель помог погрузить в багажник мои сумки и чемоданы, но оказался неразговорчивым — не отрывал взгляда от дороги и не реагировал на мои осторожные взгляды в его сторону. В моей голове роем маленьких тараканов кишели вопросы, но я не решилась их задать: вдруг

это нарушит конфиденциальность? Я же понятия не имела, кто и насколько может быть в курсе этой моей новой работы.

Водитель доставил меня ко взлётной площадке. В сумерках, на фоне темнеющего неба, проглядывался силуэт небольшого частного самолёта — его огни мягко мерцали, словно приглашая в неизвестность.

Ко мне подошёл пилот — в отличие от водителя, он оказался более общительным. С приветливой улыбкой коротко сообщил: нам предстоит перелёт во Францию, по прилёту меня встретят.

Мои вещи быстро погрузили на борт. Я поднялась по трапу и оказалась внутри. Салон был пуст — кроме меня здесь не было никого. Просторное пространство оформлено со сдержанной роскошью: бежевая кожаная обивка кресел, тёплые оттенки дерева в деталях интерьера и мягкий свет встроенных светильников. На изящном деревянном столике меня ждали свежие фрукты и бутылка шампанского с одиноким бокалом на высокой ножке.

Налила себе немного игристого — пальцы слегка дрожали. Сделала глоток... а потом ещё один. Нервное напряжение, копившееся неделями, наконец дало о себе знать: веки тяжелели, мысли стали расплываться. Не помню, как уснула, это случилось почти мгновенно — откинулась на спинку кресла, убаюканная гулом запускаемых двигателей и ощущением необратимости происходящего, и отключилась.

Проснулась в полёте и, приподняв шторку иллюминатора,

выглянула наружу. Взору открылось лишь крыло самолёта да бескрайнее небо — мы парили высоко над облаками. Картина завораживала: я смотрела так несколько минут, впитывая безмятежную красоту, воодушевляясь.

Насладившись пейзажем, вспомнила о фруктах, оставленных на столике. Взяла несколько виноградин — зелёных, спелых, без косточек — и с удовольствием прожевала. На языке осталось кисло-сладкое послевкусие. Откинувшись на спинку кресла, расслабилась, закрыла глаза...

Внезапно раздался голос пилота: он сообщил, что до пункта назначения лететь ещё два часа. Я вновь погрузилась в раздумья.

Кем же были эти люди, что наняли меня практически одним днём — по одному лишь сопроводительному письму и короткой встрече? Они выдали огромный аванс, прислали водителя и личный самолёт. Слишком щедро для кого-то вроде меня. Они ведь ничего обо мне не знают... Или знают?

Возможно, в правительстве о нас знают больше, чем мы сами. Но почему же мы летим во Францию? Я думала, что устраиваюсь на работу в российское правительство. Что, если мне придётся действовать против родины? Нет, на такое я не соглашусь. Да, в нашей стране хватает проблем, но я не стану ей вредить. Ни в коем случае.

А что если это какое-то иное правительство? Выше, чем просто страна? Глупости. С чего бы таким людям интересоваться обычной девушкой вроде меня?

Внезапно я вспомнила о тесте. Сразу после встречи с таинственным незнакомцем в отеле мне прислали опросник из трёхсот вопросов. Они касались моего мировоззрения, моих представлений о том, как сделать мир лучше. Я отвечала с увлечением, даже не заметила, как пролетело время. Но кто мог составить подобный опросник?

Признаться, мне страшно — но это не просто страх неизвестности. Это странное смешение страха и жгучего любопытства: что за организация меня нанимает? Что заставило меня бросить всё и полететь навстречу неизвестности? И главное — неужели я и правда верю, что это и есть то самое предназначение, которого я ждала всю жизнь?

Размышления поглотили меня настолько, что я не заметила, как пролетело время. Пилот объявил о снижении и попросил пристегнуть ремни. Посадка прошла мягко — чувствовался профессионализм лётчика.

Выйдя из самолёта, я ощутила на лице тёплый воздух и лёгкий ветерок — словно другая страна дружелюбно приветствовала меня. У трапа меня ждал тот самый красивый незнакомец из отеля. Я заметила, что у него появилась седая прядь, которой раньше не было, и лёгкие морщинки вокруг глаз. Похоже, за то время, что мы не виделись, он пережил нечто значительное. Рядом стоял пилот; мужчины коротко обменялись рукопожатием.

— В целости и сохранности, как и обещал, — обратился пилот к мужчине, а затем повернулся ко мне: — Удачи вам.

Передаю вас в надёжные руки.

— Спасибо, — неуверенно кивнула я, ощущая лёгкую растерянность.

— Даяна, здравствуйте, рад, что вы здесь, — улыбнулся мужчина.

Пилот кивнул и ушёл. Мы спустились по трапу.

— Я так и не знаю вашего имени, — сказала я.

— Егор, — ответил он. — Впрочем, можете не запоминать. Я всего лишь проводник. Как только вы примете решение остаться, узнав все подробности, мы больше не увидимся.

— Но я ведь уже всё решила, — опешила я.

Он загадочно улыбнулся.

— Надеюсь, что так. Сейчас мы поедем в одно место, где я отвечу на все ваши вопросы. Если согласитесь на условия, подпишем бумаги, и я отвезу вас туда, где вы будете жить и работать.

— Ладно. Звучит логично, — пожала я плечами.

У выхода со взлётной площадки нас ждал водитель на чёрном лимузине — выглядело весьма пафосно. Мы сели в машину, и я принялась разглядывать мелькающие за окном пейзажи.

— Мы в Париже! — в восторге воскликнула я.

Егор улыбнулся.

— Да, и скоро будем в самом центре города.

Лимузин остановился у ресторана с вывеской "Yeni". Во-

дитель уехал, а мы вошли внутрь. В зале, кроме нас, никого не было.

Егор галантно отодвинул мне стул.

— Проголодались? — спросил он.

— Немного, — ответила я, невольно сглатывая слюну: с кухни доносился аппетитный аромат мяса.

— Если вы не против, я закажу на свой вкус.

Я бросила взгляд на меню на французском и кивнула — всё равно без переводчика не разобралась бы, что выбрать. Вскоре подошёл официант, и Егор сказал ему несколько слов на французском.

— Перейдём сразу к делу, — начал он, как только официант ушёл. — Здесь мы можем говорить открыто, никто не слушает.

Он достал кейс, открыл его и вынул несколько листов бумаги, а затем — дорогую, изящную ручку.

— Здесь соглашение о неразглашении. Прежде чем я расскажу вам всё, вы должны его подписать.

Я быстро пробежала глазами по строчкам — ничего необычного, стандартный документ. Подписала.

— Хорошо, — сказал Егор, убирая бумаги в портфель. — Теперь я расскажу основное. Соглашаясь на работу, вы подписываете контракт на пятьдесят лет. Далее можно продлить, но уйти раньше не получится.

Я опешила:

— Как это — на пятьдесят лет? Мне сейчас тридцать, я

буду работать до восьмидесяти?

— Именно так, — кивнул он. — Но для избранных у нас есть сыворотка — она продлевает жизнь и молодость. Через пятьдесят лет вы не изменитесь. Подробности объяснит наш ведущий учёный, сейчас не стану вдаваться в детали.

Он слегка наклонился вперёд, глядя мне прямо в глаза.

— Вы будете жить и работать в резиденции президента. Покидать её нельзя: ни гулять по городу, ни заходить в кофейни рядом. Всё необходимое для жизни будет предоставлено — любая еда, одежда, вещи. Можно выходить в сад. Круг общения ограничен: только коллеги и участники закрытых мероприятий. Никаких социальных сетей — все аккаунты нужно удалить. Общение с родными разрешено, но ваш телефон будет прослушиваться: мы очень дорожим конфиденциальностью.

— Звучит... ужасно, — ответила я, грустно усмехнувшись. — А чем мне нужно будет заниматься?

— Вместе с коллегами вы будете думать над тем, как сделать мир лучше. Конкретно ваша задача — разработать план по сокращению населения вдвое: от идеи до реализации.

Я подняла брови и откинулась на спинку стула. Егор невозмутимо продолжил:

— Коллеги помогут, но у них будут и другие задачи. Так что полагаться вам придётся в первую очередь на себя.

— Я... я не знаю, что и сказать, — я потёрла глаза и наклонилась к нему, добавила шёпотом: — Вы что, масоны?

Егор рассмеялся — его тёплый смех заполнил всё пространство вокруг.

— Мы себя так не называем. Просто — Правительство. Но так нас называют другие, хотя вокруг этого термина слишком много путаницы и мифов.

— То есть... — я замялась. — Я стану частью той элиты, что правит миром? Но почему я? Я безработная, не сильна ни в чём конкретном, даже языков не знаю.

— Последнее вовсе не проблема, у нас есть специальный прибор... — начал он, но тут же оборвал себя: — Впрочем, не будем отвлекаться. Об этом тоже узнаете позже.

Он посмотрел мне в глаза. Прямо, без тени сомнений, без фальши.

— Почему вы? У вас высокий IQ — у нас есть результаты вашего теста, который вы проходили год назад, наверное, со скуки, сидя на нелюбимой работе. А по данным нашего психологического тестирования, вы отличаетесь неравнодушием к миру и людям, жертвенны и справедливы.

Я отвела глаза. Щеки налились румянцем. Смутилась.

Заметив мою реакцию, он усмехнулся. Тихо, по-доброму. Продолжил чуть тише:

— Правительство наблюдало за вами с самого детства. Мы вычисляем людей с потенциалом по крови, которую берут у младенцев в роддоме. Есть особый ген, по которому мы подбираем себе замену, когда хотим уйти на покой. Не все вырастают такими, как мы ожидаем: кто-то привязывается к

близким, кто-то становится слишком жестоким или наоборот — излишне мягкосердечным. Но вы — именно такой человек, какой нам нужен.

— Это... удивительно, — пробормотала я в замешательстве.

— Вы будете моей заменой, — произнёс он, отводя взгляд, в котором скользнула усталость. — Я служил Правительству двести лет и хочу на пенсию. Задача того, кто уходит — найти преемника. Моя родина — Россия, и я хотел найти себе замену именно там. Из нескольких кандидатов я выбрал вас. Мне показалось, что вы уже поняли: жизнь, которой вы живёте, не для вас. Вы любите людей, но не привязываетесь ни к кому слишком сильно — так, чтобы это мешало вашим идеям, принципам. Вы хотите изменить мир и достаточно умны, нравственны и осторожны, чтобы сделать это правильно.

Он замолчал, глядя на меня прямо и твёрдо. Я замерла, не веря, что это не сон. Незаметно ущипнула себя под столом, чтобы убедиться в реальности происходящего. Точно. Всё наяву.

— Вы правы, — наконец произнесла я. — Я действительно устала чувствовать себя бесполезной. Хочу приносить пользу — или хотя бы попытаться сделать что-то хорошее в этом мире. Но что, если я не справлюсь? — Я отвела взгляд, разглядывая пол. — Или сделаю только хуже?

Егор улыбнулся.

— Уже то, что вы задаёте такие вопросы, говорит о том, что я сделал правильный выбор. Вы боитесь навредить — а значит, приложите все силы, чтобы сделать всё как надо.

Его слова подбодрили меня. Я почувствовала уверенность, которой мне так долго не хватало. Я жаждала поскорее узнать больше, войти в новый мир, что обещала мне эта работа: познакомиться с мудрыми коллегами, прикоснуться к тайным разработкам, известным лишь узкому кругу.

Но вдруг сердце защемило: неужели я больше не увижу родных? Не буду рядом с бабушкой и дедушкой в их последние годы, не увижу, какими вырастут племянники? И мама с отчимом больше не зайдут на ужин... Готова ли я попрощаться с ними?

Ощущение в груди говорило: «Да, готова». Жажда ответов, желание повлиять на мир, изменить что-то к лучшему — всё это казалось важнее моей любви к близким. Так я чувствовала. И искренне верила в правильность такого выбора.

— Я готова, — сказала я уверенно.

Он слегка поднял подбородок и кивнул. В глазах его сверкнула добрая сила — словно отеческое одобрение.

— Тогда подпишите ещё вот это, — он достал из портфеля несколько скреплённых листов. — Это бумаги о приёме на работу. Подписывая, вы соглашаетесь следующие пятьдесят лет работать на Правительство.

Я подписала — быстро, без колебаний.

Затем мы отправились в Елисейский дворец — резиден-

цию президента Французской Республики. Он находился всего в нескольких зданиях от ресторана, где мы встретились, так что мы прошли пешком. Мне, конечно, хотелось бы погулять по Парижу подольше, но я не стала задерживать Егора — вид у него был такой, будто его ждали неотложные дела.

Вскоре перед нами возникли величественные ворота дворца со стороны улицы Фобур-Сент-Оноре, украшенные флагом Франции. Нас встретил одинокий охранник в красивой форме. Егор перекинулся с ним парой фраз на французском, и мы вошли на территорию резиденции.

Мы шли через парк. Дорожка из искусственной травы слегка скрипела под ногами, отдаваясь мягким шуршанием в вечерней тишине. Вокруг не было ни души, пока вдруг я не заметила девушку, быстро направлявшуюся к нам на высоких каблуках. На вид ей было около тридцати пяти: тёмная кожа, стройная, но с выразительными формами, очень опрятная — строгий деловой костюм, юбка-карандаш, пиджак.

Приблизившись, она коротко кивнула Егору и улыбнулась мне. Они обменялись парой фраз на английском, полушёпотом.

— Познакомься, это главный секретарь — Наоми, — представил он. — Я оставляю тебя с ней, дальше она поможет.

— Но ведь... — замялась я, — кажется, она не знает рус-

ский?

— Это и не нужно, — усмехнулся он. — Скоро всё поймёшь.

Он повернулся ко мне, взял мою руку в свою. Жест был нежным, тёплым, лишённым какой-либо двусмысленности. В его взгляде читалась мольба.

— Ничего не бойся. Тебя проводят в комнату и наденут браслет. Дальше всё поймёшь. А мне пора. Прости, не могу продолжить путь с тобой. Здесь все помогут, всё объяснят. Все как семья. Прощай. И удачи.

Я хотела что-то сказать, но он уже скрылся в тени деревьев. В его интонации было нечто такое, что заставило меня не окликать его. Я растерялась и повернулась к Наоми.

— Что дальше? — спросила я.

— Go, — ответила она, и мягко потянула меня за руку.

Мы вошли в здание, свернули в сторону и шли по коридорам минут пятнадцать. Наконец, вошли в одну из дверей.

Перед нами открылась небольшая лаборатория или медкабинет: всё в белом, шкафы с препаратами, полка с гаджетами. К нам вышел парень — высокий, стройный азиат лет двадцати пяти, с короткой стрижкой, в белом халате. На груди — небольшая нашивка: треугольник с глазом.

— Сидеть, — коротко сказал он.

Я села. Он устроился на стуле рядом.

— Надеть, — он указал на тонкий синтетический браслет.

Я послушно протянула руку. Ловким движением он надел

браслет на моё запястье и тихо улыбнулся:

— Готово. Теперь ты будешь понимать нас. — Он откинулся на спинку стула и поднял подбородок. — Ради тебя я даже выучил пару русских слов. Как, кстати, моё произношение? И не против, если перейдём на «ты»? Меня зовут Минхо.

— Отличное произношение, — ответила я, всё ещё не до конца понимая. — Можем на «ты». Я — Даяна.

Заметив моё замешательство, он поспешил объяснить:

— Этот браслет позволяет понимать речь на другом языке. В его основе — комплекс нанотехнологий. Не стану грузить тебя научными терминами. Суть в том, что, когда кто-то говорит рядом, браслет «слышит» слова через сверхчувствительные датчики, мгновенно переводит их на твой родной язык и передаёт перевод прямо в мозг безопасным сигналом. Ты просто слышишь перевод у себя в голове. И если у собеседника есть такой же браслет, — он слегка похлопал пальцами по гаджету на своей руке. — Он также поймет тебя, когда ты ответишь на своём языке.

— Это... удивительно, — произнесла я, широко раскрыв глаза.

— Это ещё что, — улыбнулся Минхо. — У тебя сегодня первый день, а значит — первый укол. Всем уже поставили, так что в следующий раз попадёшь день в день с группой. Укол делаем раз в месяц.

— Какой укол? — настороженно спросила я.

— Против старения. Ты, наверное, заметила, что я выгляжу на двадцать пять. А мне, между прочим, шестьдесят три.

Я резко выдохнула:.

— Ох... Это не шутка?

— Не шутка, — ответил он, рассмеявшись. — Раз в месяц мы вводим наночастицы в кровь. Они равномерно распределяются по организму, находят клетки, которые начинают терять активность или повреждаться, и «подправляют» их работу. Замедляются процессы старения: клетки делятся реже, обмен веществ подстраивается под новый режим — организм тратит ресурсы более экономично, сохраняя молодость и энергию.

— Думала, такое станет возможно только через сотни лет, — я отвела взгляд, пытаясь переварить услышанное. — Неужели наука настолько продвинулась? Удивительно...

Я подумала о мужчине, который выбрал меня для этой работы.

— Скажи, а Егор? — спросила я. — В нашу первую встречу он выглядел на тридцать, а через месяц — уже на сорок, появились седые волосы и морщинки. Почему?

— Ему перестали делать уколы, — ответил Минхо. — Он сказал, что нашёл себе замену и уходит на пенсию

Я затаила дыхание.

— То есть... он начал быстро стареть?

— Да, — кивнул Минхо. — Когда уколы прекращаются после многих лет, клетки организма начинают ускоренно

стареть и быстро погибают. Егор проработал около ста лет и ушёл, потому что устал. Увы, ему осталось примерно три года. Но он проживёт их, ни в чём не нуждаясь.

— Это грустно, — тихо сказала я, задумавшись. — Но ведь он прожил сто лет молодым благодаря уколам, благодаря этой работе. Это стоит того.

Минхо благосклонно кивнул.

— Сыворотка в этих уколах — гениальное изобретение, но есть побочный эффект, — продолжил он, поставив локти на стол и слегка поджав губы. — У тебя есть дети?

— Нет, — ответила я.

— А хочешь?

— Скорее нет, чем да.

Он тяжело вздохнул.

— Жаль, конечно, что у тебя нет детей. Дело в том, что на время действия препарата репродуктивная функция приостанавливается. Замедление клеточного деления затрагивает и половые клетки, а гормональный фон подстраивается под «режим сохранения». Организм фокусируется на поддержании текущего состояния, а не на воспроизводстве. Учитывая, что следующие пятьдесят лет ты проведёшь здесь, зачать уже не сможешь никогда.

— Я и не хочу детей, — пожала я плечами.

— Это ты сейчас не хочешь, — усмехнулся он. — А через десять-двадцать лет может и захочешь. А уже не сможешь.

— Но дети — это лишняя привязка, — холодно ответила

я. — Мне сказали, что для этой работы лучше быть более абстрагированной, чтобы мыслить масштабнее и не отвлекаться на личное. Так что, думаю, хорошо, что у меня нет детей.

— Она мощная, — одобрительно кивнул Минхо в сторону Наоми. — Егор постарался.

Я и забыла про Наоми — обернулась. Девушка всё это время стояла у двери и улыбалась мне.

— Ты молодец, — поддержала она. — Пятнадцать лет назад я тоже выбрала Правительство, а не семью. И ни на секунду не пожалела. В конце концов, все члены Правительства — мои дети. Я главный секретарь, а по факту — мать двенадцати людей, запертых в одном дворце и вынужденных работать и отдыхать только друг с другом.

— Тебе тоже делают уколы? — спросила я.

— О, нет, — ответила она, улыбнувшись. — Я — связующее звено Правительства с внешним миром. Мне нужно выглядеть естественно, стареть, чтобы быть обычным человеком для людей вне Круга. Но я не могу иметь детей: служащие в непосредственной близости с Правительством подписывают специальное соглашение — мы отказываемся от возможности зачать, нам делают стерилизацию.

— Хм, ясно, — ответила я. Она выглядела довольной, так что я не стала выражать сочувствие.

— Ладно, делайте свой укол, — сказала я.

— Какая ты решительная, — Минхо потёр руки и улыбнулся. — Мне нравится. Сейчас всё будет.

Он надел перчатки, вскрыл одноразовую иглу и достал ампулу. Сделал укол.

— А ты... — начала я неуверенно. — Ты тоже член Правительства?

— Да, твоё предположение верно, — удовлетворенно кивнул он. — Я один из Двенадцати. Как и ты теперь.

— Почему нас должно быть именно двенадцать? — спросила я.

— Согни руку в локте, — Минхо аккуратно приложил кусочек ваты к месту укола. — Кровь скоро свернётся, я помажу специальной мазью — и всё заживёт за секунды.

Он выбросил шприц, снял перчатки и на мгновение замер, словно взвешивая слова. Затем достал баночку с мазью, осторожно убрал ватку и лёгким движением нанес средство на кожу.

— Отвечая на твой вопрос, — продолжил он, встретившись со мной взглядом. — Число двенадцать действительно имеет для нас особое, почти сакральное значение. Оно связано с идеей космического порядка и управления миром. Возможно, ты слышала миф о том, что двенадцать символизирует некое тайное мировое правительство или двенадцать масонских ложей, контролирующих глобальные процессы? Так вот — это не просто миф.

Я невольно затаила дыхание, вслушиваясь в его слова.

— А кто остальные десять человек? — спросила я, чувствуя, как внутри нарастают волнение и любопытство.

Минхо мягко рассмеялся, и в его улыбке отразилась теплота.

— Не всё сразу, — тихо произнёс он. — Сегодня вечером состоится особый ужин в честь твоего назначения. Там ты и познакомишься с остальными. Каждый из Круга — личность выдающаяся, особенная. Все мы не просто коллеги — семья, и теперь ты её часть.

Он поднялся со стула, окинул комнату взглядом, словно убеждаясь, что ничего не забыл, и снова посмотрел на меня.

— А теперь иди отдохни, — сказал он. — Наоми проводит тебя в твои покои. Уверяю, там ты найдёшь всё необходимое. Увидимся вечером — и тогда начнётся настоящее погружение в нашу работу.

Он улыбнулся, слегка кивнул мне на прощание и направился к двери.

Наоми, до этого момента молча стоявшая у стены, тут же шагнула ко мне и тепло улыбнулась.

— Идём, — сказала она, легко коснувшись моего локтя. — Тебе не помешает принять душ и переодеться после дороги. К тому же, перед вечером стоит немного отдохнуть — приём будет насыщенным.

Я бросила последний взгляд на медкабинет: стерильные шкафы, аккуратно разложенные инструменты, загадочная нашивка с треугольником и глазом на халате Минхо... Всё здесь напоминало, что отныне моя жизнь изменится навсегда. Затем я кивнула Наоми и последовала за ней, стараясь

унять трепет в груди и настроиться на грядущее.

Глава 2. Знакомство с новой семьёй.

Наоми проводила меня по узкому коридору до другой двери и оставила у порога, вручив ключ-карту.

Я вошла — и замерла: передо мной открылись просторные апартаменты. Прошлась, с любопытством осматриваясь. Большая ванна с джакузи манила отдохнуть, а огромная кухня-бар-гостиная выглядела так, будто сошла с обложки журнала о роскошной жизни. За дверью виднелся кабинет с широким деревянным столом — стильный, уютный. Чуть дальше располагалась спальня. В её центре стояла низкая двуспальная кровать, на которой заботливо расстелили шёлковое постельное бельё шоколадного цвета. Это место казалось нереальным — я бы никогда не смогла позволить себе такую прекрасную квартиру, даже если бы взяла ипотеку на сто лет.

Решив начать с отдыха, я приняла ванну с эфирными маслами. Отмокала в ней минут двадцать. Тело расслабилось: мышцы перестали ныть после долгой дороги.

Закончив с водными процедурами, я накинула мягкий халат, который висел на крючке двери. Затем обернула полотенце вокруг головы, аккуратно завязав им волосы.

В дверь постучали. Я открыла — на пороге стоял стройный высокий мужчина. Моё внимание сразу привлекло его

лицо: прямоугольной формы, с высоким прямым лбом и глубоко посаженными голубо-серыми глазами. Светлая тонкая кожа и золотисто-пшеничные волосы на голове и бровях контрастировали с чуть более рыжеватой бородой.

— Рад приветствовать, мисс Даяна, — сказал он, слегка наклонив голову вперёд.

— Взаимно, а вы...? — спросила я.

— Арни, — ответил он, и уголки его губ тронула улыбка. — Ваш новый коллега, как сейчас принято говорить.

Я не сдержала улыбки — он был забавным и немного манерным. И только сейчас заметила, что за его спиной стоит мой багаж.

— Вы принесли мой чемодан, спасибо, — мягко сказала я. — Пожалуйста, проходите.

Арни вошёл, закатив за собой чемодан на колёсиках. Он поставил его в метре от входной двери и прислонил к стене.

— Садитесь, — я приглашающе указала на диван.

— Спасибо, очень любезно с вашей стороны пригласить к себе в комнату незнакомого мужчину, — произнёс он с серьёзным видом, но в глазах плясали весёлые искорки.

— Правда, ситуация необычная, — призналась я, слегка смущаясь. — Обычно я не приглашаю к себе незнакомцев, и уж точно не встречаю их в халате.

— У нас здесь всё необычно, — по-доброму усмехнулся он. — Вам понравится. — Он посмотрел в сторону мебели. — Кстати, там вас ждут десяток платьев и несколько пар ту-

фель. Наоми подобрала их специально для вас — очень переживала, понравится ли. Можете надеть что-нибудь из этого на сегодняшний праздничный ужин.

Я была заинтригована. В пару шагов подобралась к шкафу и открыла его: на вешалках висели стильные брендовые вещи, а рядом, на нижней полке, стояло несколько коробок с обувью.

— Ого, это... очень приятно, — сказала я, тронув рукой ткань одного из платьев.

Арни улыбнулся и резко поднялся с места.

— Не буду вас отвлекать, я зашёл лишь поприветствовать, — сказал он. — Не терпелось увидеть нового члена Круга. У нас здесь редко что-то происходит, поэтому ваше появление — грандиозное событие для всех. Собирайтесь без спешки. За вами зайдут чуть позже. И... удачи!

Он ушёл, осторожно закрыв за собой дверь.

Моё сердце часто билось — от предвкушения и любопытства. Хотелось поскорее со всеми познакомиться и узнать, как здесь всё устроено. Я старательно уложила свои непослушные волнистые волосы и выбрала наряд — маленькое чёрное платье от Шанель. Она оделась, слегка надушилась любимыми духами, нанесла лёгкий макияж — и, бросив последний взгляд в зеркало, приготовилась к выходу.

Словно предчувствуя, что я уже готова, в дверь постучали. Потянув ручку, я увидела мужчину с коричневой, почти чёрной кожей, высокого и широкоплечего, с крупными чер-

тами лица. Его коротко остриженные волосы подчёркивали строгую линию подбородка, а взгляд был сдержанным, холодным, даже несколько отстранённым. От одного его присутствия исходила такая сила, что я невольно почувствовала себя маленькой и уязвимой — будто весь мир вдруг сжался до этой комнаты и его фигуры в ней.

— Добрый вечер, Даяна, — произнёс он сухо.

Бесцеремонно оглядев меня с головы до ног добавил:

— Вижу, вы уже готовы. Пойдёмте, я провожу вас до трапезной.

— Добрый... — я слегка замялась, растерявшись, и тихо проговорила: — Спасибо.

Мы вышли в коридор и двинулись вперёд.

— Меня зовут Тео, — сказал он. — Я отвечаю за безопасность, в том числе за сохранность тайн Круга. Сразу предупреждаю: по телефону, общаясь с родными, ничего о работе, о нашей деятельности и о своих задачах говорить нельзя. Вы работаете на Правительство — и точка. Никаких подробностей и обсуждений. Ваши разговоры не подслушивают, но на вашем телефоне уже установлен умный бот — это высокоразвитый ИИ, доступный только для Круга. В случае подозрений на раскрытие тайны связь автоматически блокируется. То же касается социальных сетей: вы можете иметь пустые аккаунты, чтобы читать новости и мониторить информацию, но если попробуете что-то написать... — его тон стал ещё холоднее. — Пост, комментарий, выложить фото — сра-

зу полетите в блок. Один раз получите блокировку — и в ней останетесь навсегда, снимать не буду.

— Всё ясно, — ответила я, сглотнув ком в горле.

— Выходить за пределы резиденции запрещено, — продолжил Тео, не сбавляя шага. — Разрешены только организованные лидером выезды с дипломатическими целями. Говорить можно лишь с узким одобренным кругом. В резиденции мы общаемся только друг с другом — то есть с членами Правительства двенадцати и с Наоми.

Он бросил на меня короткий взгляд, ожидая подтверждения. Я молча кивнула, стараясь не выдать внутреннего волнения.

— Это основные правила, — подытожил он. — Ещё: мы ничего не записываем в компьютеры и телефоны. Все заметки — только на бумаге. У вас в кабинете на столе лежит ежедневник; как закончится один, в столе найдёте другой. Никаких фото — нигде и ни при каких обстоятельствах: ни еды, ни, тем более, членов правления. Селфи тоже запрещены. Всё ясно?

— Ясно, — тихо ответила я.

— Отлично, — сухо отозвался он. — Почти пришли.

Он слегка прищурился, взглянув на меня, и продолжил, понизив голос:

— И, последнее: первый год я буду пристально следить за вами. Пока вы новый человек здесь и должны заслужить доверие.

Я молча кивнула, чувствуя, как нарастает напряжение. Слова Тео звучали не как предупреждение, а как чёткие инструкции к выживанию в этом новом, загадочном мире.

Мы встали перед большими резными дверями. Лицо Тео терялось в полумраке коридора, но я всё же отчётливо видела его взгляд — твёрдый, холодный, как сталь. Он смотрел на меня в упор.

— Дам один совет: не стоит открываться всем сразу, — произнёс Тео негромко. — Помните: всё, что вы скажете, может быть использовано против вас.

Резким движением он толкнул тяжёлые двери. Передо мной открылась просторная зала с огромным, длинным столом посередине. Повсюду мерцали свечи, отбрасывая дрожащие блики на стены. Огромные окна украшали тяжёлые бархатные занавески кораллового цвета. Они слегка колыхались от едва уловимого сквозняка.

Тео сделал приглашающий жест рукой — плавным, почти церемониальным движением. И я шагнула вперёд.

Меня тут же окутал приятный аромат, витавший в воздухе: лёгкая цитрусовая свежесть мандаринов, переплетённая с тонкой, успокаивающей ноткой лаванды. Взгляд невольно скользнул по зале и остановился на столе — блестящая скатерть на его поверхности красиво переливалась в томном полумраке.

На серебряных подносах, выстроенных в изящном порядке, были сотни закусок: канапе с красной и чёрной икрой,

рулетики из ветчины с зеленью, тарталетки с кремовой начинкой. Рядом выстроились бутылки шампанского с каплями конденсата на стекле, а рядом с ними — хрустальные бокалы, искрящиеся в пламени маленьких огоньков свечей, будто усыпанные крошечными звёздами.

Свежие цветы — пышные пионы и тонкие веточки нежных гипсофил — стояли в низких вазах на столе и на полу. Их лёгкий аромат вплетался в общую симфонию запахов, делая атмосферу залы ещё более притягательной и чарующей.

В углу виднелось небольшое возвышение в форме несимметричного полукруга — вероятно, сцена. Здесь, строго и величественно, стояло чёрное лакированное пианино. Его гладкая поверхность отражала блики света, отчего линия контура казалась графически вычерченной на фоне тяжёлых бархатных занавесок.

Всё вокруг выглядело торжественно — словно кадр из старинной гравюры, ожившей в современности. Люди стояли по углам небольшими компаниями, кто-то и вовсе в одиночестве. Они переговаривались между собой, лишь мельком бросая на меня любопытные взгляды.

Тео, оставив меня, поспешил к одной из групп. Тем временем мне навстречу вышли Минхо и Арни — их лица озарялись приветливыми улыбками.

— Как тебе твои апартаменты? — улыбнулся Минхо.

— Замечательные, — сухо ответила я, всё ещё находясь под впечатлением от холодных наставлений Тео.

— Тебя привёл сюда Тео, да? — спросил Минхо. — Наверное, успел озвучить весь список правил. Не завидую. В мой первый день он и меня напугал. Это было так давно, а кажется, будто вчера.

— Тео такой — один из стариков, вот и ворчит, — добавил Арни, усмехнувшись. — Знаешь, сколько ему лет?

— Откуда ей знать, даже я не знаю, — усмехнулся Минхо. — Он не говорит о таком. Предполагаю, что сто, может, двести. Один из самых древних здесь.

Я улыбнулась. Сплетни — хоть что-то привычное в этом странном месте.

— Что же мы стоим? — спросил Арни, оживившись. — Нужно угостить мисс шампанским! — Он слегка отодвинул локоть, предлагая мне опереться на его руку.

Минхо сделал то же самое. Под руку с двумя мужчинами я направилась к столу. Втроём мы подняли бокалы.

— За перемены! — решительно произнёс Арни.

— За новое начало, — поддержал Минхо.

Мы стукнулись бокалами. Я сделала глоток: горло защекотали пузырьки, оставив приятное сладкое, но не приторное послевкусие.

— Кстати, Арни, а чем ты занимаешься? — спросила я.

— Мы уже на «ты»? — он удивлённо поднял брови, но тут же широко улыбнулся. — Что ж, я не против. Могу немного рассказать о себе.

Он театрально кашлянул и отвёл взгляд. Слегка подняв

подбородок, продолжил:

— Я — музыкант. Родился в Норвегии. С карьерой не заладилось — возможно, я не так хорош, как хотелось бы. Но здесь я нашёл своё место: отвечаю за культурное развитие мира. Моя основная задача — мониторинг: выискиваю таланты, а Круг тайно помогает им достигать результатов. Среди них — композиторы, художники и писатели.

— Ого, — искренне удивилась я. — Это невероятно круто!

— Спасибо, — улыбнулся он, стрельнув глазами в сторону, будто засмущавшись.

— Это, конечно, здорово, но вовсе не так круто, как научные открытия, — закатил глаза Минхо. Он перевёл взгляд на меня, добавил: — Хочешь, расскажу, чем я занимаюсь?

— Конечно, — ответила я, улыбнувшись.

— Я расскажу за него, — перебил Арни, усмехнувшись. — Он находит учёных, чьи идеи слишком опережают своё время, и приглашает их работать на нас — чтобы эти разработки не попали в открытый доступ и не нарушили сложившийся порядок.

— Ну ты и гад! — со смехом воскликнул Минхо, по-дружески ударив того в плечо. — Всю малину испортил!

Я рассмеялась, чувствуя, как от этой простой дружеской беседы напряжение в груди понемногу отпускает.

К нам приблизился мужчина. Внешность его поражала контрастом: лицо было удивительно тёплым — мягкие чер-

ты, пухлые губы, русые волосы с лёгкой рыжинкой, зелёно-карие глаза с дружелюбным, почти детским взглядом. При этом телосложение было крупным, под одеждой угадывались развитые мышцы.

— Даяна, рад тебя видеть, — начал он с широкой улыбкой. — Меня зовут Лео. Я отвечаю за общую организацию процессов и задач.

— Приятно познакомиться, — ответила я, невольно отвечая взаимностью на его доброжелательность.

— Эти двое могут заболтать до смерти, — Лео бросил шутливый взгляд в сторону Арни и Минхо.

Те лишь усмехнулись в ответ.

— Ты бы и сам с нами поболтал, — отозвался Минхо. — Но год лидерства не даёт расслабиться.

— Год лидерства? — переспросила я. — Что это?

— Каждый год мы меняем лидера, — объяснил Лео. — Каждый становится лидером по очереди. В этом году — я, в следующем — Лили. И так далее. Лидер отвечает за общую организацию: ведёт собрания, следит за дисциплиной, ставит задачи, напоминает о важных датах. Лидерство меняется, чтобы никто не зазнавался, а также чтобы каждый ощущал свою ответственность.

— Это очень умно, — ответила я. Всё больше удивлялась тому, насколько здесь всё продумано, ново и непривычно. — Потрясающе, — добавила я, не скрывая восхищения.

— Давай я познакомлю тебя с остальными, — Лео мяг-

ко взял меня за плечо и направил в сторону других гостей.
— Всё-таки цель приёма — познакомить тебя со всеми. Эти двое, — он бросил взгляд на Минхо и Арни, — никуда не денутся, ещё успеешь ещё с ними пообщаться.

— Удачи! — кинул Минхо напоследок.

Я ответила ему лёгким кивком.

Смесь воодушевления и любопытства кружила голову. Мысли крутились в беспорядке — вокруг этого странного, загадочного мира, в который я попала каким-то чудом.

Мы направились к мужчине и женщине, стоявшим совсем близко друг к другу. Он нежно пригладил её прядку волос, а она кокетливо улыбнулась — сразу стало ясно, что они пара. Оба выглядели элегантно и изящно, в их манерах, аксессуарах и одежде чувствовалась благородная строгость — настоящие леди и джентльмен.

— Позвольте представить — Даяна, — начал Лео.

— Джек. Приятно познакомиться, — сказал мужчина, протягивая мне руку.

Я аккуратно положила свою ладонь в его, рукопожатие было лёгким. Затем перевела взгляд на женщину.

— Лили, — сдержанно кивнула она.

Я ответила тем же.

— Джек отвечает за технологии, он — директор по инновационным разработкам, — пояснил Лео. — Тот браслет для распознавания речи, что сейчас на каждом из нас — его работа.

Мужчины почтительно переглянулись. Кивнули друг другу.

— Лили, — продолжил Лео, кивнув в сторону леди. — Аналитик глобальной экономической стабильности: следит за тем, чтобы мировая экономика была на том уровне, на каком её хочет видеть Круг, и составляет планы корректировки, когда это необходимо.

— Даяна, моё почтение, — Джек слегка наклонился вперёд. — Не каждый решится на такую работу. Даже Егор, твоё предшественник, устал, а это был парень-кремень. Надеюсь тебя не сломает такой уровень ответственности — всё-таки быть Архитектором демографической устойчивости — задача не из лёгких.

— Снова ты ставишь мужчин ниже женщин, — закатила глаза Лили. — Знаешь ли, мы вовсе не слабее вас.

— Вы чувствительнее. Созданы для продолжения рода, — ответил он ласково, словно говорил с ребёнком. — Это природа, спорь не спорь, а всё равно так.

Она тяжело вздохнула и слегка отвернулась от него. Я криво улыбнулась и поспешила перевести тему:

— Интересное название профессии, — ответила я. — Забавно, ведь от вас я впервые слышу о своей роли здесь.

— И всё же, раз тебя взяли, значит, ты подходишь, — уверенно ответил Джек.

— Я расскажу тебе о твоей должности и твоих обязанностях завтра, — ответил Лео. — Мы проведём отдельную

встречу, на которой я введу тебя в курс задач.

Я кивнула.

— А теперь, позвольте нам покинуть вас, — Лео кивнул Джеку и Лили, затем перевёл взгляд на меня. — Мы идём дальше.

Мы двинулись вдоль стола. Мне очень хотелось есть. Слюнки так и текли, когда видела все эти угощения в красивых тарелочках. Захватила пару закусок и попробовала их на ходу — отметила изысканный вкус.

Мы приблизились к двум мужчинам и девушке, стоявшим у окна. Одного из них я уже знала — это был Тео. Он бросил на меня короткий взгляд и слегка нахмурился. Казалось, я ему очень не нравилась... или я просто надумывала, и он был лишь чересчур осторожен?

Двое других тоже привлекли моё внимание. Они выглядели по-особенному атмосферно.

Мужчина — статный блондин с иссиня-голубыми глазами. Его слегка волнистые волосы доходили до плеч. Правильные черты лица: прямой нос, слегка припухлые губы — дополнял твёрдый, будто бы стальной, взгляд. На нём была классическая белая рубашка и штаны прямого кроя: обычная одежда, но в ней он выглядел совершенно.

Рядом с ним стояла брюнетка с каре. Кареглазая, стройная и миниатюрная, но с таким боевым выражением лица, что сразу становилось ясно: она не из тех, кто отступает. На ней был строгий тёмно-синий мундир и погоны с позолотой. На

груди блестел вышитый символ — глаз в треугольнике.

И девушка, и мужчина смотрели на меня в упор, и от этого пристального внимания мне было неловко. Даже страшно.

— Знакомься, Даяна: Тео ты уже знаешь, а это Клео и Рафаил, — Лео по очереди указал на девушку и мужчину. — Клео — координатор специальных военных операций или, иначе говоря, наш генералиссимус, а Рафаил — хранитель религиозного баланса, — он улыбнулся, заметив мою лёгкую растерянность. — Проще говоря, Клео отвечает за военные конфликты — их начало, развитие и завершение, а Рафаил следит за тем, чтобы нужные нам религии оставались популярными, а те, что могут навредить системе, были малочисленны или вовсе исчезали.

— Приятно познакомиться, — сказала я, переводя взгляд с Клео на Рафаила.

Они не ответили, лишь молча кивнули. В горле застыл ком, и я с усилием сглотнула его. Что Тео, что Рафаил, что Клео — вызывали во мне тревожное чувство.

Лео, впрочем, не изменился в лице — похоже, он уже давно привык к холодности этой троицы. Сдержанно кивнув им, он шагнул в сторону.

— Пойдём дальше, — мягко произнёс он.

Мы сделали ещё несколько шагов и оказались перед седовласым мужчиной. На вид ему было лет восемьдесят, а может и все девяносто, но держался он прямо, с гордой осанкой. Только лицо, сморщенное, как сухофрукт, выдавало

возраст. На голове была джентльменская шляпа, кажется, из шерсти. В руках — трость.

— Даяна, какое приятное знакомство, — улыбнулся он, обнажая белоснежный ряд ровных зубов. — Раз видеть здесь новое лицо.

— Это Джон, — пояснил Лео. — Самый богатый человек в мире — по крайней мере, в двадцатом веке было именно так. Благодаря ему наша организация имеет неисчерпаемые запасы денег. Джон входит в совет, но его вклад уже давно внесён: сотни брендов растут и развиваются, спонсируя нашу деятельность. Он живёт здесь и иногда приходит на заседания совета, чтобы быть в курсе событий. Этот человек единственный в Круге, кто может позволить себе пропускать наши собрания.

— В основном занимаюсь попиванием коктейлей в саду, — добавил Джон. — Всё же, как и вам, мне запрещено выходить за пределы этой резиденции.

— Таковы правила, Джон, — с тёплой улыбкой ответил Лео.

— Плата за бессмертие — заточение, — усмехнулся Джон, делая глоток виски из гранёного хрустального стакана.

Он посмотрел на меня — в его взгляде читались ясность и симпатия. Мягко добавил:

— Обращайтесь, мисс, если будет угодно.

Он слегка приподнял шляпу и кивнул. Я кивнула в ответ и улыбнулась. Мы с Лео пошли дальше, а загадочный пожи-

лой джентльмен остался стоять в стороне, наблюдая за всеми издалека.

— Однажды Джон пришёл к нам, — начал Лео, слегка наклонившись ко мне, когда мы отошли на несколько шагов. — До сих пор не знаем, как он нас нашёл и откуда узнал, чем мы занимаемся. Эту тайну он так и не раскрыл. Явился и прямо заявил: «Сделайте меня бессмертным, а я завещаю вам все свои деньги». В тот момент мы отчаянно нуждались в финансировании — его предложение стало настоящим подарком судьбы. Все знали: у Джона миллиарды, а детей нет. В итоге он вошёл в состав Правительства, а мы получили неисчерпаемый источник средств. Так все оказались в выигрыше.

Мы прошли ещё немного и снова оказались у стола с закусками. Возле него стоял мужчина, одетый с иголочки: его выделяли лёгкая манерность и блёстки вокруг глаз. Он с интересом оглядел меня с головы до ног и протянул бокал шампанского.

— Это Оливер, наш законодатель стиля, — улыбнулся Лео.

— Можно просто Оли, — сказал тот, поправив выбившуюся прядь своей волнистой длинной чёлки. — Приятно познакомиться, Даяна.

Лео повернулся ко мне, принял расслабленную позу и слегка облокотился на стол.

— Эта должность появилась сравнительно недавно, около века назад — как раз, когда появился Джон. Под наше

управление перешли сотни брендов, и нужно было, чтобы продажи росли, а моду не унесло в неизвестное русло. Оливер — генератор идей. Он создаёт тренды, покупает рекламу у блогеров, ведёт моду так, чтобы она была предсказуемой для нас. Благодаря этому мы становимся ещё богаче.

Рядом стояла ещё одна девушка — она то и дело бросала взгляд то на меня, то на Лео. Светлые волосы, серые глаза В её взгляде читалась то ли опаска, то ли страх. Казалось, она, как и я, оказалась здесь совсем недавно.

— Это Саша, — кивнул Лео в её сторону. — Наш эколог.

Он сделал шаг в сторону девушки и слегка потрепал её по плечу. От этого жеста она, казалось, немного сжалась.

— Саша, ну что ты, до сих пор не отошла от собрания? — Лео добродушно усмехнулся. — Всё в порядке.

— Приятно познакомиться, — сказала я, улыбнувшись.

— Да... и мне, — ответила она сдержанно.

— Выпьем за знакомство, — предложил Оливер.

Вчетвером мы взяли со стола бокалы с шампанским, звонко стукнулись ими и сделали по глотку — лёгкая искрящаяся прохлада скользнула по горлу, а в воздухе будто стало праздничнее.

— Я ненадолго отлучусь, — сказал Лео, сделав глоток. — Общайтесь, ничего не бойтесь, я скоро вернусь! — бросил он на ходу и скрылся в толпе.

Без проводника я немного занервничала. Решила не стоять в стороне и попробовать пообщаться с новыми колле-

гами. Для начала сделала шаг к Саше — и, чуть помедлив, улыбнулась:

— А что, на собраниях страшно? — спросила я.

Саша опустила глаза, нахмурилась. За неё ответил Оливер:

— Если что-то идёт не так, бывает, что одни давят на других, — он кинул в сторону компании Тео, Клео и Рафаила.

— Оу, ясно, — ответила я, замявшись.

— Саше досталось сложное время, — продолжил он, глядя, как поднимаются пузырьки в бокале шампанского. — В экологе не было большой нужды, пока люди не изобрели целлофан и пластик. А теперь даже её крутые идеи — вроде бумажных пакетов, сортировки мусора и тренда на экологичные материалы — пропадают на фоне дешевизны первых.

— Оу, это твои идеи? — удивилась я. — Круто.

— С-спасибо, — наконец подала голос девушка.

Внезапно моё внимание привлёк Минхо — он хлопнул в ладоши и вышел чуть вперёд.

— Дорогие коллеги, прошу тишины! — воскликнул он. — На сцене маэстро — Арни Бёрг.

Минхо сделал шаг в сторону, открывая нам вид на сцену — на Арни, который сидел за пианино. Арни начал перебирать пальцами по клавишам, и по залу разлилась приятная мелодия, мягко обволакивая каждого гостя.

— Это потрясающе... — заметила я.

Я смотрела на мужчину: казалось, он полностью поглощён

игрой — мелодией, ритмом — и играет вовсе не для нас, а для самого мира. Затем он запел. Эту мелодию и эти слова я прежде не слышала — наверное, он сочинил их сам. Я слушала, словно заворожённая.

Слова его песни эхом разносились вокруг:

— В мире, где нет места любви, запертые в стенах, мы верим в лучшее, всё ещё верим. В мире, где «правильно» дороже, чем чувства, мы не сдаёмся — мы верим в искусство.

— Да, — согласился Оливер, развернувшись к пианино. — Арни — наша отрада здесь, единственная возможность послушать живую музыку. Иногда я думаю: если бы он не стал членом Правительства, стал бы звездой. Но он выбрал не славу — выбрал менять мир вместе с нами.

Вслушиваясь в мелодию, тронувшую душу, краем глаза я заметила Лео — он незаметно вернулся в зал и смотрел на меня, улыбаясь. Но это была не единственная пара глаз, наблюдавших за мной.

Обернувшись на секунду, я поймала взгляд Тео — он буравил меня насквозь. Что было в этом взгляде? Недоверие, злость... или, может быть, интерес? Это мне только предстояло узнать.

Но одно я знала точно: старая я осталась там, за пределами резиденции. А здесь должна была взрасти новая я — та, что будет сильнее, та, что всеми силами постарается сделать этот мир лучше.

Глава 3. Введение в работу.

Арни сыграл ещё несколько композиций — каждая была по-своему прекрасна. На одной из них Минхо пригласил меня на танец, но я вежливо отказала: хотелось просто стоять на месте и наслаждаться музыкой. Джек и Лили уже кружились в танце — на их лицах играли умиротворенные улыбки, будто для них весь мир сжался до собственного ритма.

Позже Лео подошёл к нам, а Саша, сославшись на усталость, решила нас покинуть. Теперь мы стояли вчетвером — Минхо, Оливер, Лео и я — и смотрели, как Арни водит пальцами по клавишам, вытягивая из инструмента всё новые оттенки мелодии. Я, тем временем, угощалась закусками, и с каждым кусочком напряжение таяло, уступая место тихому спокойствию.

Вскоре Арни закончил и поднялся с места — раздались аплодисменты. Он поклонился и улыбнулся:

— Спасибо-спасибо, — произнёс он под овации. — Однако спешу откланяться: уже в сон клонит.

Арни подмигнул мне, кивнул нескольким мужчинам и вышел за двери.

— Что ж, — Лео повернулся ко мне. — Тебе тоже стоит лечь пораньше. Завтра у нас много дел. Встретимся утром — я обрисую план задач и отвечу на вопросы. Будь готова к семи утра. Проводить тебя? — спросил он.

— Кажется, я запомнила дорогу, — соврала я, не желая его утруждать. — Спасибо.

Лео пожал плечами, улыбнулся и кивнул.

— Доброй ночи, — мягко произнёс Минхо.

— До встречи! — весело воскликнул Оливер.

Я вышла из залы и двинулась вперёд. Замысловатые коридоры быстро сбили с толку, а одинаковые двери окончательно запутали. Как ни стыдно было это признавать — но я потерялась. С досадой подумала о том, что зря отказалась от предложения Лео проводить меня.

Не сдержавшись, я тихо выругалась:

— Чёрт!

И тут же из-за спины раздался низкий голос:

— Потерялась?

Я резко обернулась. Передо мной стоял Рафаил. В полутёмном коридоре его лицо казалось ещё более резким и суровым.

— Признаться, да... — тихо ответила я.

— Пойдём, провожу, — твёрдо произнёс он, и тон его не терпел возражений.

Я и не собиралась отказываться. День выдался длинным, ноги устали бродить по бесконечным коридорам, и больше всего на свете сейчас хотелось поскорее лечь в кровать. Рафаил слегка направил меня, легонько коснувшись талии ладонью. В этом жесте не было ничего лишнего — лишь тихая, почти незаметная забота.

Мы зашагали рядом, нога в ногу. Его шаг был размеренным, а во всей фигуре читалась такая спокойная сила, что я невольно задержала дыхание.

— Раз повернёшь не туда — и вот, дорога уже потеряна, — произнёс он, глядя вперёд.

Мне показалось, он говорит не только о коридорах, но уточнять я не стала.

— Здесь направо, — он сделал шаг и остановился. — Твоя дверь — третья слева.

— Спасибо, — поблагодарила я и шагнула вперёд.

— Даяна, ты веришь в Бога? — вдруг спросил он мне в спину.

Я обернулась:

— Верю, — ответила я. — Только религии у меня нет. Не нашла подходящей для себя.

Рафаил удовлетворённо кивнул, словно подтвердились какие-то его мысли.

— Спокойной ночи, — тихо произнёс он и растворился в тени.

Я на мгновение замерла, глядя ему вслед, затем, достав ключ-карту, вошла в нужную дверь.

Умывшись и переодевшись, я прилегла на кровать. Мысли роились в голове как стая ос — надоедливо жужжали, каждая о своём. Сильные впечатления от сегодняшних дня и вечера мешали уснуть, но усталость всё же взяла своё — я не заметила, как яркие образы сменились не менее яркими сна-

ми.

Проснулась внезапно — от стука в дверь. В одной ночнушке, сонная и растрёпанная, я открыла.

На пороге стояла Наоми.

— Доброе утро, — произнесла она с дежурной улыбкой. — Вижу, ты ещё не до конца проснулась. Напоминаю: через полчаса у тебя встреча с Лео. Повестка дня: введение в курс задач. Встреча пройдёт в зале номер семь. При себе нужно иметь тетрадь и ручку — их можно найти на рабочем столе.

— Ох, да, спасибо, — откликнулась я.

— Зайду за тобой через пятнадцать минут, идёт? — уточнила она.

Я кивнула.

Наоми ушла, я закрыла дверь и поспешила собраться на встречу.

Наскоро умылась, причесалась и надела брючный костюм из приятной и легкой ткани. Взяв со стола большую тетрадь в клетку и ручку, вышла за дверь.

Наоми уже ждала меня.

— Идём, — мягко сказала она.

Мы шли по коридорам минут десять-пятнадцать, то и дело поворачивая. «Настоящий лабиринт, — подумала я. — Понадобится время, чтобы привыкнуть».

Наконец мы подошли к двойной двери из массива дерева. Наоми открыла её передо мной.

За дверью оказалась небольшая зала. Комната была свет-

лой: высокие окна, серебристые обои, светло-серые офисные стулья. Прямо посередине стоял длинный прямоугольный стол. Приятным для глаз акцентом были фиолетовые детали — маленькие подушечки на стульях и плотные занавески.

Наоми закрыла за мной дверь, и я осталась наедине с собой.

Опустилась на стул — мягкая обивка приятно отозвалась на кончиках пальцев. На столе стояли графин и два стакана. Я налила себе воды и сделала глоток. Вода оказалась удивительно вкусной — не просто фильтрованная, а как из горного источника, свежая, будто её только что добыли и наскоро привезли.

«Даже вода здесь особенная», — подумала я.

Вскоре дверь открылась, и вошёл Лео. Я привстала — не зная, какие здесь правила насчет встречи коллег.

— Как спалось? — спросил он, усаживаясь напротив. Тон его был дружелюбным, мягким.

— Хорошо, спасибо, — улыбнулась я.

— Давай перейдём сразу на «ты», для удобства, хорошо? — предложил он.

Я кивнула.

— Итак, Даяна. Начну с краткого введения, потом ты сможешь задать свои вопросы. А затем я дам тебе задание. Идёт?

— Идёт, — подтвердила я.

— В последние годы проблема перенаселения становится всё острее, — начал Лео. — Уже в ближайшее десятилетие

это приведёт к серьёзным последствиям. Прежде всего, чрезмерное использование ресурсов — так называемое "сверхпотребление", ухудшает состояние экосистем. Приближается дефицит пресной воды, ускоряются климатические изменения из-за масштабных выбросов парниковых газов. К этому добавляются социальные вызовы: проблемы урбанизации, рост безработицы. Не менее остро стоит вопрос экологии. Люди производят колоссальный объём отходов — и чем больше людей, тем больше мусора. Существующие системы утилизации уже не справляются с такой нагрузкой.

Он положил локти на стол и посмотрел мне прямо в глаза — серьёзно, сосредоточенно.

— Проблему нужно решать в ближайшие годы, — сказал он. — Твоя главная задача — предложить ряд решений, чтобы сократить население. Причём сделать это важно отслеживая возможные последствия и предупреждая их.

Лео на мгновение замолчал, посмотрел в сторону окна. Затем потянулся к графину, налил в стакан воды и сделал глоток.

— Например, Егор, твой предшественник, предложил запустить созданный нами вирус Х-541 в Китае, где было наибольшее перенаселение. Но дисциплинированная нация быстро справилась с напастью, а распространяемость болезни оказалась слишком высокой. В итоге мы потеряли граждан в странах с совсем небольшой численностью — в России, Монголии, Исландии. Этот эпизод — пример того, насколь-

ко важно всё тщательно просчитывать.

Он перевёл взгляд на меня и продолжил:

— Мы также начали несколько специальных военных операций, но они требуют огромного финансирования и сложны в управлении. Несмотря на все усилия, нам удалось лишь удержать население планеты на прежнем уровне — оно не сократилось, как мы того ожидали. Но это всё же лучше, чем если бы оно росло и дальше.

Я понимающе кивнула.

— Нам понравилась твоя идея: сократить население вдвое, — продолжил Лео. — Но сложнее сокращения — удержание на полученном уровне. С текущим средним уровнем рождаемости даже успешного решения хватит лишь на десяток лет. Итак, твоя задача: к следующему общему собранию предложить несколько идей, как сократить население вдвое. И дополнительно, для себя, на будущее, набросать, как сохранить его на достигнутом уровне.

— Поняла, — ответила я, сглатывая ком в горле.

Ответственность легла на плечи невидимым чугунным покрывалом.

— Не переживай, — заметил Лео мою растерянность. — Во-первых, все идеи проходят контроль группы. Одиннадцать пар глаз следят за тобой и не позволят слишком уж ошибиться. Все мы контролируем друг друга — таковы устои — так мы сокращаем количество неверных решений. Во-вторых, ты не одна. В задачи Минхо и Клео — напомню,

это наш блистательный учёный и неподражаемая генералиссимус — входит помощь тебе. Ты всегда можешь обратиться к ним за консультацией по возможным вирусам и военным операциям. В нашей коллекции тысячи штаммов разных вирусов, но можем и новый разработать, если необходимо.

— Дда, поняла, — ответила я, чуть заикаясь и сделала глоток воды, чтобы промочить пересохшее от нахлынувшей тревоги горло.

— Есть вопросы? — спросил Лео.

— Да, есть, — я собралась с мыслями, чтобы уточнить несколько важных моментов. — Когда собрание? Когда должны быть готовы решения?

— Не решения, — тепло улыбнулся он. — Наброски решений. От тебя никто не требует подробного плана за короткое время. Наброски должны быть готовы к следующему собранию — оно состоится через пять дней.

— Хорошо, — кивнула я. — Следующий вопрос: какой у нас график работы?

Лео рассмеялся — мой вопрос его явно позабавил.

— У нас нет как такового графика, — ответил он мягко. — Мы всегда должны быть на связи друг с другом. Мы — как одна большая семья. Если хочешь какое-то время побыть в уединении, вывешиваешь табличку на ручку двери — она должна быть у тебя в гостиной, на столике. Только не делай как Тео: он вообще не снимает эту табличку. Но это неправильно... — Лео на мгновение замялся и отвёл взгляд. — Мы

с ним ещё работаем над этим вопросом.

Он сделал небольшую паузу, словно давая мне время осмыслить сказанное, и продолжил:

— Обязательно присутствие на собраниях — опаздывать нельзя ни в коем случае. Они проходят раз в неделю в большой зале номер три. Наоми покажет, где это. В остальное время все работают самостоятельно либо точечно подключают коллег, если возникает необходимость.

— Хм, ладно, — протянула я. — Пока всё понятно.

— Есть ещё один деликатный вопрос, — начал Лео, медленно отводя взгляд в сторону, словно ему было неловко поднимать эту тему. — Мы не одобряем отношения между членами Правительства. Это не запрещено напрямую, просто нежелательно.

Он помолчал, подбирая слова, и пояснил:

— Дело в том, что люди часто расстаются. Редко кому удаётся сохранить отношения даже спустя десять лет, не то что пятьдесят или сто — а ведь мы можем прожить гораздо дольше. А расставшись, никуда не деться: придётся каждую неделю видеть недовольное лицо за круглым столом, работать вместе... Это не очень... приятно, — он бросил на меня короткий взгляд, будто извиняясьза то, что приходится говорить о подобном.

Я молча слушала. В его глазах мелькнула благодарность, он продолжил:

— Лили и Джек — единственная пара, которая держится

вместе уже более семидесяти лет. Они уникальны, у них получилось. Но чаще всё складывается иначе — как у Арни с Клео. Они встречались всего четыре года, а вот уже пятнадцать лет сводят контакты к минимуму и здороваются сквозь зубы.

Я удивилась. Не думала, что шутливый музыкант и воинственная девушка со стальным взглядом могли быть вместе.

«И всё же, какие они сплетники», — мелькнуло у меня в голове.

— Я поняла, — кивнула я. — Отношения лучше не заводить. Это мне по силам.

Лео тепло улыбнулся, словно в благодарности за то, что я не стала спорить или развивать тему.

— Тогда, если больше нет вопросов, мы закончили, — он поднялся со стула, я последовала его примеру.

Лео любезно открыл передо мной двери. На этот раз я не отказалась от предложения меня проводить — боялась снова заплутать в лабиринте коридоров.

Мы шли молча, каждый погружённый в свои мысли. Тени на стенах дрожали от неровного света ламп, а шаги отдавались приглушённым эхом. Я невольно вспомнила разговор с Рафаилом прошлой ночью — его спокойный голос, странный вопрос о вере... Что же он значил?

На прощание Лео кивнул мне и одарил своей лучезарной улыбкой. Я ответила ему кивком, немного растерянно — всё ещё переваривала услышанное и пыталась осознать масштаб

возложенной на меня задачи.

Вернувшись в апартаменты, я села за письменный стол и попыталась набросать первые идеи. Сначала мысли разбегались — в голове не складывалось ничего дельного. Но вскоре одна мысль перекричала прочие и стойко осела в сознании. Я записала её, кратко изложив суть в нескольких предложениях. Чтобы оценить, насколько идея жизнеспособна, нужно было поговорить с Минхо.

В этот момент заурчал живот — голод дал о себе знать. А следом раздался стук в дверь.

Я открыла: на пороге стояли Минхо и Арни.

— Привет, мы проводим тебя в столовую, — улыбнулся Минхо, и его глаза сузились, отчего лицо стало ещё добрее.

— Наоми отправлена по поручению, — добавил Арни с усмешкой. — Подменяем.

— Спасибо что зашли за мной, — ответила я, закрывая за собой дверь. — Я как раз ужасно проголодалась.

Мы прошли по коридорам и остановились перед массивными дверями. Мужчины толкнули их вперёд — и передо мной открылась просторная столовая. Помещение было в светло-зелёных и древесных тонах: мягкие диванчики вдоль стен, несколько прямоугольных столов, высокие окна, через которые лился солнечный свет. Из плоских динамиков ненавязчиво звучал «Апрель. Подснежник», Чайковского.

За столами сидели мои новые коллеги — теми же группами, что я видела их на вечере знакомств. Лили и Джек рас-

положились у окна, Тео, Клео и Рафаил — ближе к стене, а Оливер и Саша — возле дверей. Лео и старика Джона среди них не было.

Все завтракали разными блюдами: кто-то ел яйцо всмятку, кто-то — овсянку, а кто-то предпочёл суп. Мой взгляд невольно задержался на Тео: он завтракал чем-то необычным — кажется это были кукурузные лепёшки с соусом.

Мы взяли еду со шведского стола: я выбрала яичницу с беконом и кофе, Арни — панкейки с творогом, а Минхо — рис и несколько закусок из рыбы и курицы. Присели за стол к Оливеру и Саше.

Мне хотелось спросить, нормально ли для них такое деление на группы, но я прикусила язык. Не хотелось прослыть слишком уж любопытной в первый же день.

Опустившись на стул, я снова поймала на себе пристальный, сложный взгляд Тео. Хотелось посмотреть в ответ, разглядеть, что в нём таится, но стало слишком неловко — и я поспешно отвела глаза.

— Хорошо спалось на новом месте? — спросил Оливер.

— Сложно было уснуть из-за впечатлений, — призналась я.

— Это ничего, — ответил он, отрезая вилкой кусочек чизкейка. — Когда я только сюда прибыл, почти не спал первые две недели. Потом проходит. Привыкаешь.

Я улыбнулась — его понимающий тон меня успокоил.

— Как прошла встреча с Лео? — дружелюбно поинтере-

совался Минхо.

— Информативно, — ответила я, но в голосе невольно скользнула тяжесть, которую он не мог не заметить.

— Поначалу и правда тяжело, — кивнул Минхо. — Всё кажется непонятным, а новые реалии — пугают. Когда я в первую же неделю узнал, что лекарство от рака давно изобретено, но не идёт в массы только потому, что нам нужна убыль населения, а не его прибавление — был в шоке. Правда, меня немного успокоил тот факт, что выдающихся учёных мы всё-таки лечим этим лекарством, хоть и втайне от них самих.

— Ого, лекарство от рака существует? — удивилась я. — А что ещё?

— Лекарства от большинства болезней действительно уже есть, — Минхо отправил в рот кусочек риса. — Но с новыми вирусами мы специально всё усложняем. Делаем их хитрее: маскируем под обычные простуды, запутываем их «ДНК-код», добавляем ловушки — чтобы учёные не могли быстро разгадать и сделать вакцину. Проще говоря, создаём вирус-головоломку: пока мир её решает, он уже успевает распространиться.

— Кстати, — я повернулась к Минхо. — Сможешь помочь? Мне нужно получить от тебя подробную консультацию по вирусам.

— Без проблем, — кивнул он. — Для тебя я всегда свободен. Твоя задача сейчас в приоритете — мне поручено вся-

чески тебе содействовать.

— Тогда можем поговорить после завтрака? — спросила я.

— Конечно, — ответил он. — Пойдём в лабораторию, там и побеседуем.

В стороне, за отдельным столом, Клео, Рафаил и Тео вели свой разговор — достаточно тихо, чтобы их не услышали.

— Ты снова смотришь, — констатировала Клео, опустив глаза и ковыряя ложкой яйцо всмятку.

— Нельзя его осуждать — она интересная, — тихо ответил Рафаил, не поднимая глаз.

— Замолчите, вдруг услышат, — тихо процедил Тео сквозь зубы. — И с чего ты взял, что она интересная? — Он поднял бровь. — Ты даже не говорил с ней.

— Ошибаешься, — улыбнулся Рафаил, поднося ложку с овсянкой ко рту. — Вчера. Она заблудилась в коридорах.

— Непутёвая... — произнёс Тео одними губами, отламывая кусочек кукурузной лепёшки. — И как только её взяли на эту должность...

— Ты мне не нравишься, — сухо бросила Клео, опустив на него холодный взгляд. — Твой интерес к ней слишком очевиден. Держи себя в руках.

— Не обращай внимания, генерал, — тихо ответил Рафаил. — Похоже, наш Тео не настолько бесчувственная железка, какой мы его считали.

— Вы как два дьявола, — бросил Тео. — Из вас получилась бы отличная пара, но вы оба слишком упрямы, чтобы это признать.

— Ты говоришь с представителем Бога на земле, — спокойно ответил Рафаил, и голос его стал ниже и серьёзнее. — Меня не интересуют такие вещи.

— Мне стыдно за твои слова, — Клео бросила на Тео взгляд, мгновенно ставший ледяным. — Рафаил мне как отец. Я бесконечно уважаю его. И тебе бы следовало проявить должное уважение к тому, кто научил тебя всему.

— Вы оба... — он прикусил язык. — Вы первые начали это. В моём взгляде на эту девушку нет ничего особенного. Просто смотрел. Ничего больше.

— Как же, — пробормотала Клео, недоверчиво сузив глаза.

Рафаил хотел сказать что-то ещё, но передумал. Лишь тихо усмехнулся и продолжил есть свой завтрак. Тео насупился и больше не отнимал взгляда от тарелки. Есть продолжили в суровом молчании.

Мы с Минхо вошли в лабораторию. Здесь всё было в белых тонах с лёгкими голубыми акцентами. Само помещение представляло собой длинную светлую комнату: вдоль одной стены выстроились стеклянные стеллажи, вдоль другой — столы с клетками. В дальнем конце виднелся рабочий стол, заваленный бумагами.

Минхо сел на один из стульев и жестом пригласил меня занять место напротив. Я достала из кармана блокнот и короткий карандаш, приготовившись делать заметки.

— Итак, что тебя интересует? — спросил он.

— Вирус с инкубационным периодом две-три недели, который медленно подавляет иммунитет — примерно как грипп. Симптомы должны быть самыми обычными: насморк, кашель, головная боль. И очень высокая заразность. При этом летальность должна быть минимальной: важно, чтобы он массово распространялся, а не убивал.

Минхо слегка наклонил голову, задумчиво посмотрел на меня — будто пытался прочесть мысли.

— Похоже на обычный вирус гриппа, — задумчиво произнёс он. — Что-то ещё?

— Да, — ответила я, сама удивившись холоду собственного тона. — Этот вирус должен вызывать стойкое бесплодие у половины переболевших.

Минхо замер на мгновение. Затем медленно поднял брови. Взгляд его стал предельно серьёзным.

— Это будет непросто, — тихо произнёс он, поправляя выбившуюся прядь своих чёрных волос. — Но логика мне понятна. Какой смысл сокращать население, если оно восстановит численность за пару десятков лет? Действеннее сделать половину планеты стерильной. Гениально.

Он быстро достал большую тетрадь, пролистал её и сделал запись.

— Что это? — спросила я.

— Так, планировщик задач, — ответил он, пролистнув страницу. — Пока в работу не беру — до одобрения на собрании, но начну думать над реализацией. Идея блестящая.

Минхо любезно проводил меня до апартаментов — я уже начинала стыдиться того, что до сих пор не научилась находить нужные двери самостоятельно.

Войдя в кабинет, опустилась на стул и задумалась о том, какие ещё идеи по сокращению населения возможны. Одной же явно мало.

Открыла тетрадь, чтобы записать любые мысли, что придут в голову. Сосредоточилась. Не заметила, как пролетели часы — несколько идей мелькнуло в голове. Я отразила их на бумаге, но ни одна из них не казалась мне достойной дальнейшего рассмотрения.

В дверь вновь постучали. Я открыла, ожидая увидеть на пороге Наоми. Но передо мной стоял тот, кого я меньше всего ожидала увидеть — Тео.

Он замер, словно высеченная из камня статуя: прямой, неподвижный, с лицом, лишённым каких-либо эмоций. Взгляд — твёрдый и холодный, будто сам лёд. Тёмная кожа отливала тонкими оттенками бронзы и горького шоколада, мягко отражая свет из комнаты.

Я смотрела на него несколько секунд, и внутри всё смешалось: страх, растерянность — и вместе с тем необъяснимая притягательность, острый интерес. Я поспешно опусти-

ла глаза, надеясь, что он не заметил искры в моём взгляде.

Тео всё так же молча стоял передо мной, словно на мгновение и сам забыл, зачем пришёл. И всё же в его осанке читалась невероятная собранность, будто он держал под контролем не только себя, но и всё вокруг.

— Хочешь войти? — неуверенно спросила я.

— Нет, — твёрдо ответил он. Но в этот миг я уловила вспышку интереса в его взгляде, мелькнувшую и тут же исчезнувшую. Не глядя на меня, он продолжил:

— Я принёс сим-карту. — Он слегка согнул руку в локте и достал из кармана матовый серый конверт. — Наверное, тебе не терпится связаться с родными. Только не забывай о правилах.

— Спасибо, — я улыбнулась, забирая конверт. Подняв глаза, добавила: — Что-то ещё?

— Нет, — холодно бросил он, резко развернулся и исчез за ближайшим поворотом.

Я пожала плечами и закрыла дверь.

«Он довольно странный, — подумала я. — Холодный и далёкий, но пленяющий, как звёзды в ночном небе. — Но тут же осеклась: — «Нет, я не стану думать о нём в таком ключе».

Взглянув на часы, я с облегчением отметила, что разница во времени между родным городом и Парижем всего один час. Вставив сим-карту в телефон, позвонила родным. Они страшно волновались, хотя я и предупреждала, что сразу по-

сле посадки не смогу выйти на связь. Успокоила их — мы проговорили около получаса, разговаривая о сущих пустяках вроде того, кто чем завтракал. Хотелось бы поделиться чем-то большим — но раз это не по правилам, переживу.

Остаток дня прошёл спокойно. Я пообедала с ребятами — Арни и Минхо, потом ещё несколько часов посвятила обдумыванию идей. Разобрала вещи: развесила одежду в шкафу, аккуратно разложила всё по полкам. Осмотрела апартаменты — и в одном из шкафчиков обнаружила запас угощений: несколько сортов чая и кофе, печенье, конфеты и батончики. В холодильнике нашлись соки и газированные напитки в банках — в общем, всё, что нужно для небольших перекусов между основными приёмами пищи.

Снова раздался стук в дверь. За мной пришла Наоми — пора было идти на ужин. По дороге в столовую я попросила её нарисовать мне карту резиденции и отметить ключевые места, чтобы я могла ориентироваться самостоятельно.

Наоми рассмеялась:

— Конечно, сделаю. Но нам и так несложно заходить за тобой. Твоя комната как раз ближе всего к столовой, некоторые из нас, например я, так или иначе проходят мимо неё. И живём совсем рядом.

Она проводила меня до дверей и скрылась за поворотом. Я взяла себе пасту карбонара и присоединилась к уже привычной компании — Минхо и другим. За столом я всё же не удержалась от вопроса:

— Наоми не ест с нами?

— Нет, — ответил Минхо. — Не положено. Она ест в мини-столовой через стену от нас.

— За трапезой и на собраниях — только со своими, — добавил Арни.

— А где-то прописаны все эти правила? — поинтересовалась я.

— Есть Устав, — отозвался Оливер. — Но читать его невыносимо: настолько он сух и скучен. — Он эмоционально потряс головой. — Даже не стоит браться. Его, наверное, не переписывали лет двести. К тому же, он на латыни. Все члены Круга обязаны освоить разговорную латынь. Но письменная латынь с терминами и сложными описаниями? Кто её знает?

— Я знаю, — раздался голос сбоку.

Мы обернулись. Рафаил кивнул. Его компания сидела за соседним столиком. Клео бросила на меня недовольный взгляд, а Тео — даже не поднял глаз.

— Кроме, разве что, Рафаила, — прикусил губу Оливер. Наклонившись вперёд, он почти шёпотом добавил: — Может, он сам и написал этот устав. Кто знает, сколько ему лет...

Арни и Минхо заговорщицки усмехнулись.

Я тоже наклонилась ближе и тихо, почти неслышно, спросила:

— А почему мы не едим все за одним столом?

Мой вопрос, казалось, слегка встревожил всех. Оливер

резко выпрямился, Саша опустила взгляд в тарелку, Минхо беспокойно огляделся по сторонам, а Арни нервно прокашлялся. Краем глаза я заметила, что Рафаил усмехнулся, а Тео прикрыл рот рукой. Лицо Клео осталось холодным и непроницаемым.

— Мы такое не обсуждаем, — едва слышно произнёс Оливер.

— Простите, — виновато ответила я, опустив глаза. — Я не знала.

Все замолчали. Мы продолжили есть под арию альта из «Страстей по Матфею», Иоганна Себастьяна Баха.

Тишину нарушил Лео, который пришёл на ужин с опозданием. Он быстро взял сочный бургер, одноразовые перчатки и сел к нам за стол.

— Приятного аппетита, — тепло улыбнулся он. Заметив напряжение, добавил: — Что-то случилось?

— Ничего, — ответил Арни, стараясь говорить непринуждённо. — Обсуждали грядущее собрание.

— Всё ясно, — кивнул Лео, надел тёмно-серые перчатки и откусил огромный кусок от бургера.

— Принести тебе что-нибудь запить? — предложила я.

— Это было бы очень мило с твоей стороны, — поблагодарил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.